

ЧИТАЯ
ЖУРНАЛЫ...НОВАЯ
МИРЕвгений Евтушенко. «Мама и
нейтронная бомба». Поэма. № 7,
1982.

ПОЭМА НА ПЛОЩАДИ

Эту поэму вначале я слышал в исполнении автора. Когда свои стихи читает сам поэт, и в особенности такой мастер декламации, как Евгений Евтушенко, то это, разумеется, дает стиху дополнительную силу. При чтении глазами стих остается наедине с читателем, лишенный поддержки своего творца. Да нет, конечно, не лишенный — автор достаточно оснастил и вооружил его: и образностью, и звукописью, и рифмой. Но тут рифма — это оперение строки — отсутствует. И вообще стих не совсем обычный для Е. Евтушенко и не очень привычный для русского читателя.

В тот раз, выступая со сцены ЦДЛ, Е. Евтушенко сказал, что он всегда придавал большое значение рифме. Эта поэма, однако, потребовала особой формы — раскованной, свободной. Вот она и написана свободным стихом, верлибром, отличающимся, конечно, не только тем, что он безрифменный...

Что же тогда может заменить или восполнить отсутствие рифмы? Значительность мысли, глубина, афористичность строки...

Все это есть в поэме «Мама и нейтронная бомба». Поначалу отдельные части, «составляющие» поэмы — действие ее от газетного киоска у Рижского вокзала в Москве, где работает мать поэта, переносится то в Италию, то в Америку, то в белорусское Полесье — не складываются в единую, цельную картину. Это чувствует и сам поэт. Рисуя площадь в итальянском городке Перуджа с ее базарной сутолокой, туристским хаосом, «интернациональной» толкотней ног — все это «попурри из людей», — автор замечает: «Площадь была похожа на эту поэму, или поэма стала похожей на площадь? Все вместе не складывалось, не рифмовалось, не находило общего ритма. Все разваливалось. Не было клея соединительного...».

И клей появляется — в буквальном и переносном смысле: вместе с двумя итальянскими мальчишками, клеющими плакаты с перечеркнутой нейтронной бомбой. И сразу возникающая нотка тревоги, как электрическая искра, образует магнитное поле, в которое оказываются втянутыми разнопротрастившие и разновременные детали и характеристики. И вот уже итальянские мальчишки с глазами, как «забытые мопровские значки», каким-то образом соотносятся с кожанкой матери поэта, на которой сохранилось отверстие от того мопровского значка, а нарисованный на картине «бескостный, бестелый» Христос «вздорнул и стал наполнять жизнью, а если не жизнью — надеждой на жизнь». Бомба реальная, угрожающая — это распад мира, бомба перечеркнутая — символ возрождения, расцвета, единения.

При столь глобальной планетарности взгляда легко впасть в риторику. Автор удачно избегает ее, чему способствует прежде всего (что уже, наверное, заметил читатель) поэтическая символика, опирающаяся как на чисто земные реалии, так и на традиционные мифологемы.

Самое сильное, на мой взгляд, место поэмы — это фантастическая картина оставшихся без людей (вследствие взрыва нейтронной бомбы) вещей, спорящих между собой, устраивающих свалку в магазине, где, по слухам, «выбросили» человека.

Картина «призрачного», населенного лишь вещами мира, хоровод погибших детей у всемирной елки — все это, конечно, условность, в любой момент, правда, могущая обернуться реальностью.

Фантастические допущения, формы условности, легко воспринимаемые нами, ибо они все заземлены в быте, в повседневности, как бы примиряют нас и с приемом «перепрыгивания» из эпохи в эпоху, из страны — в страну, из вчера — в послезавтра: «Через Тибр перепрыгнул и оказался в Москве у киоска, где мама раскладывала газе-

ты...» И снова — условность, а хотите — просто поэтический ход: газеты оказываются последующими и таким образом дают возможность заглянуть в будущее. Страшно в него заглядывать, когда над каждым на земле человеком висит бомба мощностью в 15 тонн тринитротолуола, но надо: «Вдовы будущие в соборах с трупами будущими венчались. Вдовы будущие рожали будущих убитых младенцев, которым одна достанется елка — всемирная елка погибших детей». Такая вот «предупреждающая» картина...

Я понимаю, почему в название поэмы вынесены образы матери и нейтронной бомбы. Человек так устроен, что при угрозе всемирной катастрофы или своей собственной он прежде всего вспоминает о близких. А кто каждому из нас ближе мамы, детей, родных? Личная, интимная тема, смело вторгающаяся в апокалиптические картины разрушенного или, вернее, превращенного в призрак нейтронной бомбой мира, заставляет нас острее сопереживать автору, наводя на мысль, что все это близко касается каждого из нас.

Говоря о себе, поэт хочет докричаться, достучаться до всех людей на земле, — заставить их задуматься над угрожающей им опасностью, вырвать их из состояния сонной эйфории, благодушной созерцательности или искусственно вызванного отупляющего духовного наркоза. Этот обманчиво спасительный образ беспаянного наркоманства варьируется, усложняется, гиперболизируется. Наркоманство — «забвение о будущем атомном пепле, который возможен, если возможно забвение о пепле прошедшей войны». «Забвение уроков истории — это не что иное, как наркоманство». «Мебель, сервизы, машины — для многих это наркотики в твердом виде».

Память — это и родословная, наши предки, великие и малые, знаменитые и безвестные, вся цепочка реально существовавших, неразрывными звеньями связанных друг с другом поколений. Бросая ретроспективный взгляд на свое родословное древо, отмечая, так сказать, свой «кровный», врожденный интернационализм («Во мне, словно семь притоков, семь перекрестных кровей»), автор снова с болью и тревогой взывает к человеческой памяти: «...мне страшно не то, что не будет памяти обо мне, а то, что не будет памяти». Это чувство, как долг, влечет поэта в глухое полесское село, где он разыскивает свою единственную оставшуюся в живых бабушку, которую он никогда не видел, — бабушку Ганну.

Забота о спасении человечества от ядерной угрозы — задача, стоящая перед всем человечеством. Это прекрасно понимает Е. Евтушенко. Но, говоря об этом, поэт не стремится брать на себя роль некоего надмирного пророка и проповедника. Читая поэму, мы все время чувствуем, что с нами говорит советский поэт, четко сознающий, откуда прежде всего исходит опасность миру.

Умело используемая символика — бумажный журавлик японской девочки, сделанный из стихов и летящий навстречу атомной смерти, кожанка мамы, парящая над участниками марша мира, и т. д. — соединяет в поэме, связывает в единое целое мечты и желания всех честных людей мира. Каждый личный факт биографии автора, близких или случайно встреченных им людей гиперболизируется и становится всечеловеческим: белорусская крестьянка бабка Ганна, ее внуки, труд и делание простого рабочего человека определяют все ценности мира и главную из них — жизнь без войн. Именно

этой надеждой на предотвращение смертельной опасности, нависшей над человечеством («отныне и навсегда отменяется война» — так теперь написано в газетах, которые продает мама), и завершается поэма.

Эпико-лирическая поэма об угрозе ядерной войны и об этом чудовищном изобретении на Западе — нейтронной бомбе — давно просилась в нашу поэзию. И написал ее Е. Евтушенко. Написал с глубоко личным, индивидуализированным ощущением своего «я». Многоголосие поэмы, выплеснутое на ладони площадей и умело дирижируемое автором, обрело мощное симфоническое звучание, тревожа человеческие души, совесть и память. Привлекателен и демократизм автора, его твердая убежденность в самоценности каждой личности: все люди — «не как все».

Разумеется, поэма не без издержек. Она говорит как об успехе автора, так и о некоторых неиспользованных возможностях. Лиризму ее порой не хватает пронзительности, глубины вдоха — форма верлибра, непривычная для автора, все же, по видимому, невольно прозаизирует стих и само образно-поэтическое мышление. Не смог автор преодолеть, несмотря на всю новизну формы, и инерцию некоторых, ставших уже традиционными для его поэтики приемов — пристрастие к парадоксам, игре слов, своеобразным логическим или, наоборот, алогичным «перевертышам» типа: «леди, похожие на руины, созерцающие руины». Закостенение некоторых излюбленных тропов лишь снижает новаторский пафос произведения. Есть в поэме и некоторые конструктивные просчеты — скажем, «прорисует» рассказ про Леву-эмигранта и стилист («стати, тема эта неоднократно «обкатана» Е. Евтушенко и в стихах, и в публицистике; зачем же повторяться?»). Строгого читателя, возможно, смутят некоторые излишне интимные подробности, резанут слух отдельные провалы вкуса: «Моя мама была комсомолочкой...» и т. п.

И все же, повторяю, это значительная и неординарная, глубоко актуальная, касающаяся самых главных и насущных проблем нашего несопокойного и тревожного времени поэма.

В финале, как бы символизируя единство устремлений всех людей доброй воли, автор переносит киоск с Рижского вокзала на поворот шоссе Перуджа — Ассизи, где проходит марш мира. Конкретная мама и конкретная бабка Ганна приобретают характер обобщенных образов — за ними «ползут по планете... белые, черные, желтые и шоколадные внуки, и каждый сжимает в руках нартофелю земного шара».

В поэме нет лирического героизма. Вернее, этот герой — сам автор, но за него не прячущийся, предельно, до исповедальности открытый. Этого требовали, видимо, тема, ее серьезность, доверительный характер поэмы. Все — правда, все — из жизни, которая вот здесь, рядом, у всех на виду. Смотрите, говорит автор, я ничего не скрываю.

...Рано утром я пробегаю мимо Рижского вокзала. На площади в газетном киоске худоская и, против ожидания, молодая женщина продает газеты. Над окошечком в табличке фамилия: «Евтушенко Э. Е.». И возникает какое-то ирреальное чувство — словно приоткрылась дверь в мир, созданный воображением художника и тем уже как бы отделенный от прозы жизни. Нет, все-таки хорошо, что этот киоск стоит на месте — у Рижского вокзала. Так надежнее. Где только купить газеты, «в которых напечатано, что отныне и навсегда отменяется война?»

Павел УЛЬЯШОВ